по Европѣ. Въ теченіе сутокъ ему было переведено по телеграфу 300 000 долларовъ и Крабитесъ подчеркиваетъ, что «даже богатые люди Америки не имѣютъ возможности реализовать въ нѣсколько часовъ 300 000 долларовъ наличными деньгами».

«Долина Нила, навѣчно плодородная благодаря резервуарамъ и запруламъ Асуэльа, Энеха, Зифета и Асіута, созданнымъ «Альбіономъ», даетъ 5 урожаевъ въ два года, и ежегодное количество хлопка превышаетъ 3 милліона квинталовъ. Но предположенное въ ближайшіе годы превращеніе Судана въ хлопковое царство сулитъ безграничныя возможности, а съ ними и новый ростъ народнаго благосостоянія».

Это прочное богатство позволяетъ Египту безъ вреда для бюджетнаго равновѣсія тратить огромныя деньги на ввозъ недостающихъ ему продуктовъ продовольствія, текстильные товары, машины, уголь и химическіе матеріалы.

Всѣ эти «расходы» Египта становятся нормальными, если принять во вниманіе, что одна только Франція уплатила ему за годъ 941 милліонъ франковъ, 865 — за хлопокъ и 55 — за нефть.

«Въ сущности, всѣ эти цифровыя данныя являются лучшими союзниками лорда Ллойда. Во всѣ времена было истинной утвержденіе, что прочная дружба всегда покоится на взаимности интересовъ. И въ англо-египетской проблемѣ элементарная справедливость требуетъ яснаго освѣщенія такой двусторонней, очевидной выгоды».

Отлично зная психологію массы «въ тѣни пирамидъ», Крабитесъ не придаетъ особеннаго значенія демонстраціямъ, грознымъ резолюціямъ и непримиримымъ выкрикамъ. Все это точно бушующія волны о гранитный молъ разобьетъ у подножія «имперскаго гранита, силы, достиженія, сумѣвшаго съ 1882 года сознать богатую, цвѣтущую страну, свободный въ національно-культурной, экономической, соціальной жизни народъ, способный къ мудрому самоограниченію.

«Языкъ цифръ свидѣтельствуетъ о выгодности дружбы съ Альбіономъ и вся трудность задачи верховнаго комиссара, лорда Ллойда заключается въ томъ, чтобы «потомки фараоновъ» отдали себѣ въ этомъ отчетъ съ ясностью, отметающей приступы «политической лихорадки». **А. Мищенко.**

Новое совѣтское уголовное право.

I.

Въ послѣднее время нѣмецкая юридическая печать посвящаетъ много вниманія новѣйшимъ реформамъ уголовнаго права сов. Россіи. Въ журналѣ «Ostrecht» по этому вопросу выступили русскіе криминалисты проф. П. И. Люблинскій и Н. Н. Полянскій и г. Гродзинскій. Въ австрійскомъ юридическомъ журналѣ «Gerichts-Zeitung» на эту тему отозвался вѣнскій профессоръ г. Глейснахъ, а совѣмъ недавно въ извѣстной серіи института по изученію восточной Европы появилась объемистая и содержательная книга д-ра Р. Маураха подъ назв. «System des russischen Strafrechts» (1928).

Первый сов. Уголовный Кодексъ (У. К.) 1922 былъ составленъ наспѣхъ, технически крайне небрежно и отличался полнымъ отсутствіемъ единства мысли и плана. Специфически большевицкій духъ его выражался въ карательномъ терроризмѣ по адресу враговъ сов. строя и въ общей жестокости репрессій. Въ остальномъ онъ былъ крайне эклектиченъ: составители его не брезговали и позаимствованіями изъ буржуазныхъ кодексовъ, въ частности даже изъ стараго русскаго Улож. о наказ. 1845 г.

Принципы реформы совѣтскаго У. К. были намѣчены уже въ т. н. «Основныхъ началахъ угол. законодательства» 31 окт 1924 г. и получили свое оформленіе въ У. К РСФСР 22 ноября 1926 г., введенномъ въ дѣйствіе съ 1 января 1927 г., и въ Украинскомъ У. К. 1 іюля 1927 г.

Новый совѣтскій кодексъ (различіе русской и украинской его редакціи несущественно) представляетъ собою попытку пересмотра основныхъ началъ современнаго карательнаго права. Д-ръ Маурахъ говоритъ объ особой Ленинской школѣ уголовнаго права (Leninistische Strafrechtsschule). Это нѣсколько странное обозначеніе можно принять развѣ въ томъ случаѣ, если видѣть во всѣхъ мѣропріятіяхъ сов. власти осуществленіе т. н. завѣтовъ Ильича. Въ дѣйствительности же, поскольку можно говорить о теоретическихъ основахъ новаго сов. уголовнаго права, онѣ представляютъ не что иное, какъ доведеніе до крайнихъ выводовъ того теченія позитивистическаго соціологизма въ уголовномъ правѣ, который представленъ лѣвымъ марксистскимъ крыломъ итальянской школы криминалистовъ (Колаянни, Турати, отчасти Ферри).

Новый сов. У. К. не знаетъ ни идеи вины, ни института наказанія (по крайней мѣрѣ терминологически), слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру извѣстнаго итальянскаго проекта 1921 г. Понятіе преступленія, какъ виновнаго противоправнаго дѣянія, онъ замѣняетъ понятіемъ дѣянія, свидѣтельствующаго объ опасномъ состояніи личности, а институтъ наказанія — мѣрами соціальной защиты. Въ этомъ отношеніи У. К. 1927 г. радикальнѣе своего предшественника — У. К. 1922 г., ибо послѣдній предвидѣлъ мѣры соціальной защиты только на ряду съ наказаніями. Теперь же всѣ мѣры воздѣйствія суть мѣры соціальной защиты.

У К 1927 г. дѣлаетъ попытку дать въ законѣ не формальное, а **матеріальное** опредѣленіе преступленія. Преступленіе онъ понимаетъ какъ соціально-опасное дѣяніе, которое направлено противъ основъ совѣтской организаціи и ея правового строя, установленнаго рабоче-крестьянскимъ правительствомъ на переходное время впредь до осуществленія конечной цѣли коммунизма (ст. 6).

Это матеріальное опредѣленіе преступленія имѣетъ рѣшающее значеніе для характеристики новаго сов. У. К. Дѣло въ томъ, что оно вовсе не является только декларативнымъ, но какъ бы предвосхищаетъ всю особенную часть кодекса, предусматривающую отдѣльные роды и виды преступныхъ дѣяній. Съ точки зрѣнія новаго У. К. особенная часть его вовсе не представляетъ исчерпывающаго каталога преступленій. Отнюдь нѣтъ! Ибо, съ одной стороны, дѣяніе, отвѣчающее всѣмъ признакамъ преступленія, тѣмъ не менѣе, признается ненаказуемымъ, если учинившій его не представляетъ соціальной опасности. Съ другой стороны, всякое дѣяніе, отвѣчающее понятію матеріальнаго преступленія въ смыслѣ ст. У. К., считается преступленіемъ даже въ томъ случаѣ, если оно вовсе не предусмотрѣно въ особенной части У. К. Въ этомъ случаѣ примѣняются мѣры соціальной защиты, которыя опредѣлены за наиболѣе близкія по своему характеру преступленія.

У. К. 1922 г. отрицалъ начало «nullum crimen sine lege» и въ своей знаменитой ст. 10 допускалъ аналогію при примѣненіи уголовнаго закона. Особенность новаго У. К. заключается въ томъ, что, вводя матеріальное опредѣленіе преступленія, онъ какъ бы признаетъ совершенную условность особенной части У. К.

Въ отношеніи любого дѣянія можетъ быть поставленъ вопросъ, а не противорѣчитъ ли оно началамъ совѣтскаго строя. Если это будетъ признано, то никакая ссылка на отсутствіе состава преступленія не будетъ принята во вниманіе.

Если мы напомнимъ, что совѣтскій уголовнопроцесс. кодексъ допускаетъ при преслѣдованіи преступленій широчайшее примѣненіе начала «удобства» въ ущербъ началу законности, то общая картина станетъ вполнѣ ясной.

Сов уголовное право освобождаетъ себя отъ всякой слержки, отъ послѣдней тѣни признанія гарантій личности и становится г. обр., грубымъ орудіемъ цѣлесообразности, какой-то инструкціей по уловленію противниковъ сов строя.

И намъ невольно вспоминаются споры, которые вызывало еще въ дореволюционной Россіи уже тогда модное требованіе введенія въ уголовное право критерія опасности состоянія личности. Вспоминаются намъ вмѣстѣ съ тѣмъ, мудрыя предостереженія покойнаго В. Д. Набокова, который справедливо усматривалъ въ некритическомъ отношеніи къ этому требованію великую опасность для основныхъ правъ личности.

Лишенный всякой общечеловѣческой этической основы, до конца выхолощенный сов. У. К. 1927 г. превращаетъ карательное правосуліе въ охоту за подозрительными и опасными людьми, въ какую то изощренную технику, освобожденную отъ правового содержанія. Таково первое достиженіе совѣтскихъ реформаторовъ. **Ал. Мишлеевъ.**

Печать.

Итакъ на Донбасѣ раскрытъ заговоръ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, напротивъ, идетъ

раціонализація хозяйственной работы.

Такая рубрика обозначается крупнымъ шрифтомъ въ «Экономической Жизни». А что понимается подъ раціонализаціей, тому слѣдуютъ пункты.

Строится целлулозный заводъ на рѣкѣ Сясь. Онъ давно уже долженъ былъ быть открытъ, но... пускъ завода былъ отложенъ до мая, а сейчасъ говорятъ, что онъ начнетъ работать лишь въ концѣ лѣта, а можетъ быть и позже.

Причина этой «раціонализаціи» въ сильномъ запозданіи заказаннаго заграницей оборудованія. А причина запозданія въ томъ, что

по финансовымъ соображеніямъ рѣзали заказы раздѣлить на двѣ очереди.

Для того, чтобы еще болѣе облегчить «финансовыя соображенія»

заказали часть оборудованія въ Германіи, а часть въ Чехословакіи.

Результатъ получился блестящій, оборудованія нѣтъ, а кромѣ того на помощь финансамъ пришло и ГПУ.

Сборку могутъ произвести только иностранные монтеры, а по формальнымъ причинамъ пріѣздъ ихъ задержался.

Слѣдующій пунктъ касается уже прямо Донбасса. Развитію угольнаго производства мѣшаетъ недостатокъ электроэнергіи.

Рѣшили строить электро-станцію.

Донуголь гарантировалъ ассигнованіе кредитовъ и своевременную постройку станціи. Хозяйственники обрадованные поспѣшили заказать заграничное оборудованіе для новостроющейся станціи.

Послѣ этого вступили въ силу финансовыя соображенія.

Донуголь началъ урѣзывать кредиты. Урѣзывалъ такъ, что хозяйственники кричали какъ зарѣзанные.

Результатъ опять блестящій: заказанное оборудованіе прибыло, а зданія электростанціи не существуетъ. Кончилось тѣмъ, что

Донуголь категорически отказался станцію строить, а заграничное оборудованіе лежитъ въ ящикахъ, на складахъ рудника и ржавѣетъ.

Третій пунктъ относится къ Николаевскому порту. Четвертый къ заводу «Коминтернъ» въ Екатеринославѣ, гдѣ финансовымъ соображеніямъ пришелъ на помощь наркомпутъ.

На пограничныхъ станціяхъ при перегрузкѣ заграничнаго оборудованія въ наши вагоны порча важныхъ частей, части попадаютъ къ другимъ машинамъ и направляются въ другіе адреса и т. д.

Въ другомъ номерѣ подъ той же рубрикой сообщается общій итогъ раціонализаціи въ сибирскомъ строительствѣ. Общій итогъ таковъ:

Величайшая безплановость и личайшее пренебреженіе къ вопросу раціональнаго использованія средствъ и силъ.

Кромѣ того, офиціальное сообщеніе обвиняетъ контрреволюціонеровъ Донбасса въ грубомъ обращеніи съ рабочими. А какъ обстоитъ дѣло въ другихъ мѣстахъ? На это отвѣчаетъ «Трудъ».

Въ Твери на заводѣ «Пролетарій» производятся обыски рабочихъ: женщинъ заставляютъ снимать сапоги, раздѣваться, осматриваютъ даже подвязанную платкомъ голову.

Система эта примѣняется только къ женщинамъ, которыя называютъ ее издѣвательствомъ. Но это еще цвѣточки. Тамъ же «Трудъ» сообщаетъ, что на одной изъ желѣзныхъ дорогъ

желѣзнодорожная охрана заняла одинъ изъ желѣзнодорожныхъ будокъ и открыла стрѣльбу по вокзалу.

Благодѣтельное вліяніе на рабочихъ производитъ политграмота. На Сормовскомъ заводѣ

одинъ рабочій вообразилъ, что онъ Стенька Разинъ, а его сосѣдъ по работѣ, воспѣваемая въ пѣснѣ княжна, сбросилъ его въ Волгу.

Очевидно ГПУ предстоитъ еще широкое поле дѣйствія, если не убрать тѣхъ, кто всѣ эти явленія вызываетъ.

Литературныя замѣтки.

Въ послѣдней книгѣ «Современныхъ Записокъ» отмѣтимъ изъ беллетристики три произведенія.

Всячески на первомъ мѣстѣ находится первая часть «Жизни Арсеньева», принадлежащей перу Ив. Бунина. Это — автобіографія человѣка, отдавшагося «словесному ремеслу» повѣсть писателя о самомъ себѣ. Читая ее, вспоминаешь изреченіе Оскара Уайльда, что единственная культурная форма автобіографіи, это — литературная критика. Но творецъ «Доріана Грея» могъ бы пойти и дальше: почему автобіографична одна лишь критика а не вся литература вообще? О комъ и о чемъ бы писатель ни писалъ, онъ пишетъ о самомъ себѣ. Самое главное и существенное въ себѣ онъ на своихъ страницахъ раскрываетъ. Хочетъ онъ или нѣтъ, эти страницы выдаютъ его, и онѣ пропитаны явнымъ или тайнымъ лиризмомъ. Является внутренней автобіографіей творчество художника. Не только чужой, но и свой портретъ даетъ живописецъ-портретистъ. И потому есть что-то лишнее въ томъ, чтобы писатель Бунинъ заставлялъ писателя Арсеньева разсказывать свою жизнь. Мы уже это слышали, мы уже это знаемъ. Изъ прозы и поэзіи Бунина уже давно смотрѣлъ на насъ Арсеньевъ. То же высокое мастерство слова, тѣ же настроенія, то же исключительное любовное вниманіе къ природѣ и погодѣ. Этой послѣдней чертой надѣленъ Арсеньевъ уже въ своемъ дѣтствѣ, и у читателя даже возникаетъ мысль, что здѣсь — какой то анахронизмъ, что мальчику приписаны позднѣйшія свойства и позднѣйшая наблюдательность взрослаго. Какъ всегда, у Бунина, изображенія природы въ «Жизни Арсеньева» поражаютъ красотою; и хочется къ самому автору отнести то, что онъ сообщаетъ о своемъ героѣ: «я... часами простаивалъ, глядя на цвѣты, на солнечный свѣтъ и тѣни, на ту ливную, переходящую въ лиловое, синеву неба, которая сквозитъ въ жаркій день противъ солнца въ верхушкахъ деревьевъ, какъ бы купаюшихся въ этой синевѣ, — и навсегда проникся глубочайшимъ чувствомъ и сознаніемъ истинно божественнаго смысла и значенія земныхъ и небесныхъ красокъ; подводя итоги того, что дала мнѣ жизнь, я вижу, что это одинъ изъ важнѣйшихъ итоговъ; эту лиловую синеву, валнистую, сквозящую въ вѣтвяхъ и листвѣ, я и умирая вспомню». Богата словесная палитра Бунина. Но пейзажами онъ иногда злоупотребляетъ, онъ ими больше интересуется, чѣмъ его читатель, здѣсь нѣтъ совпаденія интересовъ, и поэтому радуешься, когда онъ переходитъ къ людямъ, которые всѣмъ и всегда интересны. Здѣсь — тоже обычная мѣткость и сила характеристики, здѣсь — тонко уловленныя подробности: вплоть до «нѣжнаго, свѣже выбритаго подбородка», здѣсь — очаровательные силуэты, напримѣръ, — крестьянской дѣвушки Саши. Крестьянство, деревня, православіе, русская стихія вообще разлита по всему повѣствованію, составляетъ его колоритъ, его душу; и образъ Россіи царитъ за всѣми и надъ всѣми образами. Есть страницы, полныя глубокаго чувства, звучащія вдохновенно — напримѣръ, о матери: «въ далекой родной землѣ, одинокая, на вѣки всѣмъ міромъ забытая, да покоится она въ мирѣ и въ невѣдѣніи о всемъ, что нерожиго мною безъ нея; навсегда завершена ея судьба... ужели та, чей безглазый черепъ, чьи сѣрыя кости лежатъ гдѣ то тамъ, въ кладбищенской рощѣ захолустнаго русскаго города, на днѣ уже безымянной могилы, ужели это она, которая нѣкогда качала меня на рукахъ и пѣла о томъ, какъ «бѣжитъ въ степи молодой курьеръ и несетъ съ собой письмо-вѣсточку»? Замѣчательна страница о впечатлѣніи отъ первой смерти, увидѣнной мальчикомъ, смерти сестрички Нади, вдругъ превратившейся въ лежащую на столѣ «недвижную нарядную куклу». Маленькій Арсеньевъ послѣ этого «переболѣлъ смертью»...

Окончательная оцѣнка «Жизни Арсеньева» еще невозможна, потому что романъ только начатъ — романъ, въ которомъ факты подернуты дымкой религіозно-философскаго раздумья и въ которомъ, отъ лица героя, авторъ одинаково пристально вглядывается какъ въ душу, такъ и въ міръ окружающій. Можетъ быть, именно въ связи съ этой не всегда пропорціональной и гармонической переплетенностью двухъ плановъ, психологическаго и фактическаго, внутренняго и внѣшняго, и еще въ связи съ медлительнымъ темпомъ изложенія, останавливающагося на одной детали за другой, «Жизнь Арсеньева» не легко, не сразу проникаетъ въ наше сознаніе. Но истинѣ драгоцѣнную словесную ткань разостлалъ передъ нами Иванъ Бунинъ, но ткань эта тяжела. Она тяжела тяжестью спѣлыхъ колосьевъ, полновѣсностью классическихъ бунинскихъ словъ, роскошествомъ литературной парчи, — но, какъ бы то не было, она тяжела. Употребляя выраженіе самого Бунина, скажемъ, что пока его новому духовному дѣтищу недостаетъ «легкаго дыханія».

Два разсказа свои тяжкіе сюжеты берутъ изъ неисчерпаемаго источника русской революціи: «Памяти твоей» Георгія Пескова и «Зоя Андреевна» Н. Берберовой. Оба страшны, но страшны каждый по своему. Памяти одного изъ убитыхъ большевиками священниковъ посвящаетъ г. Песковъ свои задушевныя страницы, свою художественную эпитафію. Встаетъ свѣтлый образъ о. Димитрія, скромнаго православнаго казненнаго за «сопротивленіе пятнѣю нечестивыхъ нѣвзностей». Въ исторіи нашего ужаса и нашей неправды одна изъ самыхъ потрясающихъ главъ, это — убіеніе священниковъ, погибавшихъ за свои святыни. Здѣсь лютому злодѣйству противопоставилъ себя идеализмъ и героизмъ, и во главѣ съ митрополитомъ Веніаминомъ отъ чекистской пули столько пало смиренныхъ «батюшекъ», «въ старенькихъ люстриновыхъ рясахъ»; столько мучениковъ религіи жизнь свою съ тихимъ мужествомъ положили за своего Бога. Тотъ, кого помнитъ Георгій Песковъ, былъ кротокъ и чистъ, молился за своихъ убійцъ; но, вопреки его предсмертной просьбѣ, не можетъ, не можетъ простить его смерти близкій ему человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. «Ты любви научилъ, а онъ — ненависти

Травля германскихъ инженеровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ отвѣтъ на представленіе германскаго посла, Чичеринъ могъ только сообщить, что разслѣдованіе производится. Конечно, никакого другого отвѣта и Литвиновъ, проѣздомъ черезъ Берлинъ направляющійся въ Женеву, дать не можетъ. Несомнѣнно, что оба они дѣйствительно ничего не знаютъ. ОГПУ, государство въ государствѣ, и считаться съ наркоминдѣломъ и заботиться о томъ, въ какое затруднительное положеніе наркоминдѣлъ поставленъ, чекистамъ, конечно и въ голову не приходитъ. Правленіе «AEG» командировало въ Москву г. Блейманa, завѣдующаго русскимъ отдѣломъ, чтобы добиться освобожденія арестованныхъ. Однако судя по тону послѣдней московской корреспонденціи, г. Шеферъ на это не надѣется. Онъ выражаетъ лишь пожеланіе, чтобы схваченнымъ инженерамъ была предоставлена возможность получить надлежащую юридическую помощь въ лицѣ германскихъ адвокатовъ и чтобы было достигнуто возможное облегченіе въ содержаніи подъ арестомъ. Чего можно ожидать отъ совѣтскаго суда, въ этомъ тоже никто себя не обманываетъ. Германія имѣетъ въ данномъ отношеніи тяжелый опытъ.

Офиціальное сообщеніе, подписанное г. Красковымъ подвергается въ германской прессѣ уничтожающей критикѣ. Газеты указываютъ на вопіющія противорѣчія, на несогласованность этого сообщенія съ заявленіями Рыкова статьями газетъ и т. д., обращаютъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ арестованныхъ пробыли въ Россіи лишь три недѣли, что часть взводимыхъ на инженеровъ обвиненій въ родѣ напримѣръ, заказа ненужнаго оборудованія за границей, слѣдовало бы обратить по адресу берлинскаго торгпредства и т. д. и т. д.

По полученнымъ въ Берлинѣ свѣдѣніямъ германскіе инженеры были арестованы въ мѣстечкѣ Кученково еще въ прошлый вторникъ. Германскій консулъ въ Харьковѣ тотчасъ же принялъ обычныя мѣры, которыя однако ни къ чему не привели. Г. Шеферъ кстати сообщаетъ, что положеніе иностранныхъ инженеровъ въ Россіи вообще чрезвычайно тяжелое. Они вообще не пользуются полной свободой передвиженія, наталкиваются на всякія техническія затрудненія, не смотря на то, что совѣтскія учрежденія оказались совершенно не въ состояніи монтировать присланныя въ счетъ 300-милліоннаго кредита машины, и тутъ было допущено съ ихъ стороны очень много ошибокъ. Корреспондентъ требуетъ рѣшительнаго протеста и указанія на то, что совѣтская власть перешагнула мѣру терпимаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, газеты очень интересуются французскими отзывами, усматривающими банкротство усвоеннаго въ отношеніи совласти курса, и считаютъ, что подвигъ ОГПУ окончательно укрѣпитъ позицію противниковъ заключенія соглашенія съ Кремлемъ.

Едва ли нужно еще прибавлять, что единственное исключеніе составляютъ «R. Fahne», которую соц. демократическая газета такъ мѣтко назвала берлинскимъ офиціозомъ Крестинскаго. Этотъ офиціозъ считаетъ возмущеніе берлинскихъ газетъ бандитской выходкой ГПУ лицемѣрнымъ.

*

Арестованные нѣмецкіе инженеры находятся въ строгой изоляціи. Директору AEG Блейману не удалось добиться съ ними свиданія.

Въ бесѣдѣ съ графомъ Брокдорфомъ Ранцау Чичеринъ сообщилъ «приблизительныя» данныя о дѣлѣ германскихъ инженеровъ, но обѣщалъ дать въ самомъ ближайшемъ будущемъ дополнительныя свѣдѣнія. Изъ круговъ германскаго посольства передаютъ, что германское правительство будетъ настаивать на освобожденіи арестованныхъ.

Харьковскій «Коммунистъ» продолжаетъ вести травлю германскихъ инженеровъ, и требуетъ поголовнаго увольненія всѣхъ иностранныхъ спеціалистовъ.

Запутались.

На послѣднемъ пленумѣ исполкома коминтерна была принята резолюція, предлагающая всѣмъ коммунистамъ объявить рѣшительную и безпощадную борьбу стремленіямъ въ тань наз. промышленному міру, провозглашенным въ Англіи». Эти стремленія достичь соглашенія между промышленниками и рабочими, инициатива которыхъ принадлежитъ вождю англійской промышленности Альфреду Монду, признаны коминтерномъ въ высшей степени опасными для всего дѣла соціальной революціи. Между промышленниками и рабочими коминтерна можетъ быть только война, но ни въ коемъ случаѣ не миръ.

Почти одновременно съ исполкомомъ коминтерна, принявшимъ выше указанную резолюцію въ Москвѣ происходила чрезвычайно характерная конференція соединенныхъ пленумовъ совнархоза и центральнаго совѣта профессіональныхъ союзовъ. Эта конференція должна была найти пути для устраненія конфликтовъ между государствомъ и рабочими и служащими, т. е. иными словами установить тотъ «промышленный міръ», который объявленъ столь опаснымъ въ резолюціи коминтерна. Впервые въ исторіи совѣтскаго союза работодатели — въ лицѣ такъ наз. «хозяйственниковъ» — и рабочіе встрѣтились въ формальномъ засѣданіи съ опредѣленнымъ намѣреніемъ урегулировать свои взаимоотношенія. «Экономическая Жизнь», давшая весьма неопредѣленный отчетъ о конференціи, указываетъ, что она происходила «чрезвычайно оживленно», но умалчиваетъ о тѣхъ цѣляхъ, для которыхъ конференція была созвана. На самомъ дѣлѣ конференція происходила весьма бурно и окончилась полнымъ проваломъ. Предсѣдатель центральнаго совѣта професс. союзовъ Томскій констатировалъ, что «первый опытъ совмѣстной работы профессіональныхъ союзовъ и хозяйственниковъ окончился неудачей». Забывъ о томъ, кого онъ въ сущности говоря представлялъ, Томскій обрушился на профессіональные союзы, утверждая, что они «не проявляютъ въ достаточной степени классоваго самосознанія, руководятся только узкими политическими интересами, непрерывно требуютъ повышенія заработной платы и не желаютъ разсматривать всей промышленной проблемы съ точки зрѣнія интересовъ совѣтскаго государства». Далѣе Томскій весьма пессимистически отозвался о состояніи совѣтской промышленности и утверждалъ, что главная причина всѣхъ бѣдъ заключается въ «отсутствіи хорошихъ спеціалистовъ и инвалифицированныхъ рабочихъ». Эти утвержденія Томскій закончилъ признаніемъ, что «безъ иностранныхъ инженеровъ и безъ техниковъ и рабочихъ, получившихъ образованіе заграницей совѣтскому союзу обойтись невозможно».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой конференціи начались аресты германскихъ инженеровъ и техниковъ.

Французы о Пятаковѣ.

Парижъ 13. 3.

«Echo de Paris» выражаетъ свое возмущеніе по поводу новаго появленія Пятакова въ Парижѣ. Газета указываетъ, что Пятаковъ подписалъ тоже самое воззваніе, которое послужило къ изгнанію Раковскаго изъ Франціи. Присылка Пятакова, члена троцкистской оппозиціи и единомышленника Раковскаго означаетъ вызовъ французскому общественному мнѣнію. Поэтому невозможно признавать никакого значенія тѣмъ успокоительнымъ заявленіямъ, которыя раскочаетъ новый полпредъ Довгалевскій.

Выборы въ Польшѣ.

Варшава, 12. 9.

Предварительныя данныя о выборахъ въ польскій сенатъ показываютъ укрѣпленіе правительственныхъ партій и блока національныхъ меньшинствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ число голосовъ поданныхъ за соціалистовъ нѣсколько уменьшилось. Большое пораженіе потерпѣлъ національ католическій блокъ. Изъ 111 мандатовъ правительственныя партіи получатъ 49, меньшинства 23, соціалисты — 10, національ католики — 9, радикальная крестьянская партія — 7, партія Витоса — 6, крестьянская группа Домбскаго — 3, національная рабочая партія—2, группа Корфанти — 1, и сіонисты 1.

Расширеніе избирательнаго права.

Лондонъ, 12. 3.

Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ палату общинъ законопроектъ, предоставляющій всѣмъ женщинамъ достигшимъ возраста 21 годъ активное избирательное право. Законопроектъ принятъ въ первомъ чтеніи.

Турція на конференціи по разоруженію

Лондонъ 13. 3.

Изъ Ангоры сообщаютъ что представителемъ Турціи въ подготовительной комиссіи по разоруженію назначенъ министръ иностранныхъ дѣлъ Тефикъ Руажи Бей.

Гибель миноносца.

Афины. 12. 3.

Греческій миноносецъ «Панормосъ» наскочилъ на утесы острова Эгина и затонулъ. Команда спасена. Командиръ миноносца пытался застрѣлиться.

Коммунистическій шпіонажъ.

Парижъ, 12 3.

Начался процессъ по обвиненію ряда коммунистовъ въ похищеніи секретныхъ документовъ изъ авіаціонной школы въ Версалѣ и передачѣ ихъ совѣтскому правительству. Дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ. Одному изъ главныхъ обвиняемыхъ муниципальному совѣтнику Кремэ удалось бѣжать въ Москву.

Въ сенатѣ сенаторъ Кальмель внесъ запросъ по поводу мѣропріятій правительства направленныхъ противъ резолюціонной дѣятельности коммунистовъ во Франціи. Интерпеллянтъ указалъ на все возрастающую активность коммунистовъ въ арміи и флотѣ. Министръ внутр. дѣлъ Сарро заявилъ: Если французскіе коммунисты подготовляютъ гражданскую войну, проповѣдуютъ пораженіе и пытаются вызвать безпорядки въ арміи и въ колоніяхъ, дѣлая все это по инструкціямъ полученнымъ изъ заграницы, то тутъ уже нельзя говорить о борьбѣ политическихъ идей.

Мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ преступленіемъ. Министръ завѣрилъ сенатъ, что имъ приняты всѣ мѣры борьбы противъ революціонной дѣятельности коммунистовъ. Сенатъ принялъ резолюцію, выражающую довѣріе правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что правительство будетъ продолжать борьбу съ коммунистами, въ особенности въ связи съ преступной работой среди французскаго юношества.

Аресты коммунистовъ.

Рига, 12. 3.

Офиціальное латвійское телеграфное агенство сообщаетъ, что нелегальныя коммунистическія организаціи проявляютъ лихорадочную дѣятельность, объясняемую прибытіемъ изъ Москвы инструкторовъ съ крупными денежными суммами. Пропаганда ведется, главнымъ образомъ, среди безработныхъ. Политическая полиція произвела въ Виндавѣ многочисленные обыски и арестовала шесть человѣкъ, въ томъ числѣ Паулину Липа, только что пріѣхавшую изъ Россіи. Эта дама занимала роскошно обстановленную квартиру и распоряжалась весьма крупными суммами. Она играла руководящую роль среди коммунистическихъ агитаторовъ.

*

Варшава, 13. 3.

Польская политическая полиція раскрыла широко развѣтвленную комсомольскую организацію среди бѣлорусской молодежи. Въ провинціи произведены обыски и аресты. Въ числѣ обширнаго конфискованнаго матеріала найдено секретное письмо коминтерна изъ Москвы, въ которомъ выражается недовольство по поводу отрицательныхъ для коммунистовъ результатовъ выборовъ въ Польшѣ. Письмо указываетъ на беспорядочное расходованіе польскими коммунистами гигантскихъ суммъ, присланныхъ изъ Москвы.

Коммунистическій заговоръ въ Чили.

Сантъ Яго, 12. 3.

Чилійской полиціи удалось предупредить заговоръ поставившій себѣ цѣлью сверженіе правительства организованный коммунистами. Въ связи съ этимъ арестовано 40 человѣкъ, въ томъ числѣ и сынъ бывшаго президента республики Алессандри. Офиціально сообщается, что самъ Алессандри и министръ здравоохраненія Сантоссалосъ, находящіеся нынѣ въ Европѣ причастны къ заговору.

Политическіе нравы въ Америкѣ.

Нью-Іоркъ, 13. 3.

Въ парламентской комиссіи, разслѣдующей дѣло о передачѣ правительствомъ покойнаго президента Гардинга нефтеносныхъ земель, принадлежащихъ морскому вѣдомству, частнымъ лицамъ въ аренду, за что нѣкоторые члены правительства получили взятки, теперешній министръ финансовъ Меллонъ сдѣлалъ сенсаціонное разоблаченіе. Онъ сообщилъ, что въ 1923 году получилъ отъ предсѣдателя центральнаго комитета республиканской партіи, тогдашняго министра почтъ Гейса (глава американской кинематографической индустріи) 50.000 долларовъ на покрытіе расходовъ по избирательной кампаніи. Деньги эти были пожертвованы Синклеромъ, т. е. какъ разъ тѣмъ лицомъ, которое незаконнымъ образомъ получилъ вышеупомянутыя казенныя нефтяныя земли. Меллонъ вернулъ эти деньги обратно и внесъ въ партійную кассу изъ своихъ собственныхъ средствъ 50.000 долларовъ.

И что сильнѣе — не знаю». Не упущена авторомъ и та черта изъ практики убивающаго большевизма, что прежде чѣмъ отдать священника палачамъ, чтобы ихъ не смущать, ему сбривали бороду и волосы.

Въ тонахъ реальности и сновидѣнія, сливающихся въ одно томительное настроеніе, съ хорошей недоговоренностью, съ тонкими деталями душевной жизни, сжато, набросками, намеками, воспроизведена г. Пескомъ трагедія казнимаго христіанина и ея отголосокъ въ сердцахъ его родныхъ — между прочимъ его племянницы и воспитанницы Насти. Къ числу такихъ произведеній относится «Памяти твоей», которыя съ честью выдерживаютъ эстетическое мѣрило, но которыя не въ эстетикѣ имѣютъ центръ своей духовной тяжести.

Еще никого не убиваютъ въ разсказѣ г-жи Берберовой, но уже зрѣетъ и накопляется та ненависть къ людямъ, которую исповѣдуетъ большевизмъ. Зоя Андреевна возгнувалась вмѣстѣ со своимъ учрежденіемъ изъ Харькова; городъ, въ который она попала (Ростовъ на Дону, повидимому) еще не во власти большевиковъ, и бѣгутъ черезъ него дальше и дальше, съ сѣвера-запада на югъ-востокъ, безчисленныя людскія толпы, гонимыя отчаяніемъ войной, эпидеміей. Та семья, въ которой снята непригляднаго комнату Зоя Андреевна, и другіе жильцы квартиры — всѣ, какъ на подборъ, по волѣ автора, надо сказать — внутренне мотивированной, злы, противны, жестоки или, по крайней мѣрѣ, къ чужому страданію совершенно равнодушны. И Зоя Андреевна, хранящая въ себѣ и на себѣ слѣды прежнихъ лучшихъ дней, мощно нахлынувшая, сейчасъ же навлекаетъ на себя ненависть со стороны своихъ хозяекъ и сосѣдки Тамары, машинистки, но еще болѣе близкой другому занятію. На пространствѣ небольшой квартиры соединилось много физическаго и нравственнаго безобразія, и душно парила тамъ атмосфера зависти, вражды и злокозненности; уже самый воздухъ былъ повсюду заряженъ ядовитыми токами большевизма и межлоусобицы. Безпомощна, какъ и многіе, многіе, была Зоя Андреевна; будто ее «привязали къ крыльямъ вѣтряной мельницы: крылья вертѣлись, она отлетала, взлетала, потомъ на короткое время чувствовала подъ собой неподвижную землю. но все не успѣвала удержаться на ней и опять кружилась». Вѣтряную мельницу эту кружилъ безумный вѣтеръ исторіи. «Сѣверо-западный неутомимый вѣтеръ дулъ съ дикой силой, крошя людей, ломыя Россію. И Зою Андреевну крутилъ онъ и мялъ въ своихъ жестокихъ лапахъ, и несъ туда же, куда неслись, объединенныя страшной бурей, судьбы людей, станицъ, губерній». Въ негостепріимномъ жилищѣ своемъ, полномъ женской злобы и мелочности, заболѣла — тифомъ, вѣроятно — Зоя Андреевна; ея хозяйки ей даже пить не дали и сейчасъ же на навозчикѣ, не смотря на ея мольбы, отправили несчастную въ больницу, гдѣ ее «положатъ на полъ, съ тифозными, съ ранеными».

Въ талантливомъ и тонкомъ разсказѣ г-жи Берберовой, съ его мѣткимъ подборомъ реалистическихъ штриховъ и признаковъ, съ его выразительностью въ изображеніи какъ отдѣльныхъ фигуръ, такъ и цѣлаго города, полнаго смутной тревоги, захваченнаго и историческимъ вихремъ, — въ этомъ разсказѣ, очень насыщенномъ, борются за читателя, за впечатлѣніе на него, два момента: жестокое и трогательное. Трогателенъ образъ героини — и когда она здорова, и когда она больна, когда она сквозь пошлые шумы отдаленную музыку слушаетъ и когда она подъ отдѣломъ въ отчаяніи заломила руки; вѣетъ человѣчностью отъ нея и нѣжнымъ дыханіемъ женственности. А жестоко то, что крутомъ нея собралъ авторъ только одни отвратительныя существа, даже гимназистки. Наложили не пощадивъ, даже дѣвочку сдѣлавъ гадкой, ее, эту бѣлобрысую, неспущатую «Надежду Кудолянову», свое имя и фамилію написавшую по нѣмъ, на крышкѣ піанино, даже студента Федора Федоровича лишивъ всякой юношеской, студенческой обаятельности. Но, къ сожалѣнію, убѣдительна картина г-жи Берберовой, и написанный ею гнетущій человѣческій пейзажъ не кажется злою вымуткой а кажется страшной правдой, одною изъ многихъ гнѣй мрачнаго русскаго кошмара; и этотъ городъ, холодный, декабрьскій, съ рѣжущимъ вѣтромъ, еще большевиковъ не видѣвшій, но уже напряженный, къ разрушенію и ненависти подготовленный, зломъ злу идущій на встрѣчу, похожій на «громадный, нетопленный и пыльный театръ», — этотъ городъ, этапъ на «срединѣ странствія россійскаго», около «забрызганныхъ кровью поѣзловъ» не могъ, среди многаго другого, не вмѣщать въ себѣ и того гнѣзда обывательской гнусности, которое, не злорадствуя, скорѣе грустно, такъ хорошо изображена г-жа Берберова

Ю. Айхенвальдъ.